

Анастасия Тихомирова

Сочность слагаемого

16+

Анастасия Владимировна Тихомирова

Сочность слагаемого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53659113

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда путаница становится на колени перед Вами, Вы спрашиваете: "Кто ты?" ,но после Вы оборачиваетесь и видите всю свою жизнь наперекосяк без сглаженного повествования повседневности.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Куда мне прикрепить совокупность основных идеалов бытия, спрятанных в разодранные схемы, как ни на кого-то отдаленного от этих мироощущений. Дух, сознание, воля, все склоняется в повседневном кивке Вам. Нет никакой метафизики чувств. Но Вам приписана связность и смысл. Вы есть текст, семантическая объемность, со всем святым воинством, сидящий у меня на правом плече. И Вы так абстрактны, как Ангел, Бог. Путем катастрофического неовладевания Вами, отдаленности от Вас, я растерзан. Выскочка – Надежда дает мужество и Вы делаете меня хрупким Гераклом. Но теперь у меня атрофия чувств к Вам. Галюционировать о Вас на крыши на заре у меня не получается. В любом случае, моя улыбка перелезает с губ на лоб, в складку между бровями при взгляде на Вас. Вы Отец моих чувств. Тем не менее.» = так я относилась к своему психиатру, но я страдаю и другими переживаниями. Не только по отношению к нему. А при том личностное начало я, на всякий случай, запеленала в сербский ковер, от невротической простуды, который никто никогда не украдет, так как дешевизна этого вида не привлекает чужих глаз. Поэтому ко мне пока что не тянутся люди. Социальная адаптация тешится надо мной. Самочувствие невозможности контролировать свои чувства и мысли. Когда сидя за столом вдруг что-то свергает меня и создается невидимая трясучесть, и я встаю из-за стола. Что со мной?

Я пью таблетки. Но я не могу ни читать, ни писать. Это раздирающее, кусающееся внутреннее бешенство, чем-то сглаженное. Оно снова раскрыло пасть! Нектары жизни оно высасывает из меня, а я как подопечный. Не смиренный, но напуганный, распыскиваю то, что есть во мне на моих любимых Мать и Отца. Я не могу оставаться в спокойствии одна и нужно, чтобы они присутствовали, нужно их присутствие. И тогда я становлюсь обузой. Это шизотипическое расстройство. Мне делали шоковую терапию. Но не так все плохо.

Да, я шарахаюсь от прохожих и боюсь, что они поймут, что у меня в голове. Мои мысли при этом грязны, я опасаясь, что они могут меня атаковать, напасть и т. д. И быть трусливой в их глазах, вообще, в глазах Другого есть искривленная безобразная перспектива.

У меня плохой сон, я часто просыпаюсь. Зависима от кофе, без него ватная и быстро сдуваюсь. Руки сильно трясутся. Пока, я могу находиться одна только, когда смотрю дешевые фильмы и остерегаюсь чтения. Еще эта ужасная хандра – неправильно пережитая потеря Бабушки. Моя Бабушка была великой сердцем и душой. Моя бабушка была великой. Как сладорастное пение листьев могучих деревьев, как течение бурлящей соленой воды, вольной кистью плескавшееся, умноженное на тысячи поцелуев солнца. Как откровение вселенной несущей в карманах представления. Я ежедневно хожу на кладбище к Бабушке. Размеренная жизнь в России.

Но вот однажды, я полетела в Чехию, и помощь, проявленная в назойливой блеклости, застегнутая на все пуговицы – проявление доброты – "однажды". Только сейчас можно описать как "однажды", так как я уже выздоровела от этого поступка, который "однажды" неаккуратно и сварливо обнажил меня. Смирная, догадывающаяся доброта была проявлена ею. Пани Рената своей лебединой нежностью с изначально свойственным ей старанием, к которому она давно уже привыкла. Она сжала в своем прозрачно-розовом кулаке мое сердце – форма песочных часов. Форму песочных часов приобрело оно. О, ожидание. О, неповторимый, уже посредственный момент, который уже как-то обозначен, обозначен тоской о былом, момент с широтой многофункционального океана.

"Я хочу с Вами поговорить" -произносит она и начинает шагать по диагонали, косвенно приближаясь ко мне, как будто как ребенок идет по тонкому бордюру и боится наступить на дорогу, по которой едут машины.

"Со мной?" – отвечаю я, намекая на то, что для меня непривычно, чтобы кто-то желал говорить со мной.

Я слишком назойлива. Я не успела опередить ее своей навязчивостью, не обрезала ее легкое желание, скорее всего универсально основанное на необходимости делать то, что умеешь. То есть, почти все умеют помогать. Но почти никто не делает это хорошо. Вот и она одна из них. Она начала бро-

саться советами и жуя жвачку, пододвигалась ко мне. Упитанность и затверделость ее взглядов мне показалось нездоровыми, при всем ее прелестном расцвете в манерах. Но как, она, учительница чешского языка может быть так убеждена в чем-то? Без поиска? Под надутыми правилами, о которых нужно говорить в ворчащем тоне, так как сам на себя злишься из-за их очень подозрительной правдивости – откуда эта ловкость в помощи? Если ее цель была помочь – откуда эта убежденность, что этим она правда поможет?" – все еще задаюсь этими вопросами я. Опишу свою потерянность в забрызганности ее кислых прогнозов:

– "Вы пьете?" – спрашивает она. – "Вы напиваетесь?"

– "При таком стиле жизни вы умрете в 30 лет, а может быть в 40!" пронеслась пустынным вихрем пара предложений, облитая глазурью ее харизмы и приятных черт лица, надев мне на горло, удлиняющую шею, африканское ожерелье. Удушье от прямоты.

"Но я творю со своей жизнью то, что творит поэт со словами и опытом" – с зудящим спокойствием отвечаю я.

"Я не хочу об этом говорить. Я не для этого с вами здесь" – отвечает она густым голосом.

"Я хочу стать гением" – произношу я.

"Я так не думаю" – и тяжелым ножом мясника были порезаны, только проявляющие у теленка признаки воли жить, не подавшего даже голоса от возвышенной беспомощности, в которой скрыта красота всех начинаний и предположений.

Кровавая смерть, замеченная остальными как бархатная – ошеломительная скрытость – замаскированная под искренностью – которая притягивает. Под шубертовскую Аве Мария понеслась я, спотыканием рвя асфальт в клочья.

Я еще не понимала, что ее видение напрочь содрало во мне всякую надежду на допустимость ошибок, которые я часто совершаю, она стерла любую вседозволенность, которая иногда говорит голосом сирен. Какое безнадежное утопание в горьком шоколаде ее видения. Слезы текли, опустошая голову и грудь. Теперь я парус, влекомый дыханием одной ее ноздри. Под реквием Моцарта я заглянула в себя и не нашла там даже этикетки, заново выворачивая майку души я не могла найти эту этикетку. Она обокрала меня. Она отрезала ее зубами, которые стрекотали из-за быстрого движения губ. Какая безобидная кража. Под реквием Моцарта я рычала с удручением – от кражи, которая не была определена как кража.

"Я помогаю вам, вы человек" – говорила она.

"Я помогаю вам, вы человек" – это змеиное предложение перевернуло все с ног на голову.

Что значит помочь? Что значит помогать? Разве это не выражение своих навыков, которые не нуждаются в строгой оценке со стороны, которые уже изначально надушены отношением с полузакрытыми глазами, на то как в действительности эта помощь работает. Замечается сам акт желания помочь. Какая скользкая и лентяйская деятельность – помо-

гать. Что это за невинное овладение и подавление другого? Если нечто выдается за что-то приятное, хотя это по сути является самодовольным проявлением своего опыта. Вам говорят, что хотят помочь, намекая, что это действительно поможет, что для вас имеется что-то, в чем вы действительно нуждаетесь. Но откуда помогающим об этом известно? Если мне даже это неизвестно во всей полноте.

–"Я хочу стать гением, я хочу публиковать свои сочинения!" – говорю я.

–"У вас ничего не получится, никто не будет этого делать!" – снова отрезает Пани Рената.

Громогласное ветвление, кружение и стеснение всего в воронке непонимания и вопрошания. Какое угнетение. Она мне подарила в своих обволакивающих манерах спокойного тона, который может разразиться укусом комара и превратиться в нечто удивительное. Почему сомнения на счет собственного будущего, вытащенные ею наружу, вдруг стали гореть с дымом и треском? Ведь они все время шагали стеснительной походкой у меня в голове, но вдруг, встав передо мной в пышном смокинге, заговорили властно и нетерпимо? Что ж, если она подцепила их когтями всех своих нежных пальцев, мне необходимо заняться собой. С голодной грудью я бродила и металась в сырости пива. Искала на дне кружек паузу, конец той глубины, которую ощущала в груди. Какая угнетающая просторность, через которую проходили чужаки в грязной одежде, хотя может быть и приятные детишки,

которые представлялись хулиганами с палками.

"Что я могу прямо сейчас начать делать со своей жизнью?" – вопрошала я.

"Я должна ждать, когда поступлю в университет и там начну усердно заниматься философией" – бормотала я в изношенной надежде.

"Что сейчас?" – Однажды или даже дважды я видела ходящее оранжевое пятно, в следующий раз я уже увидела монаха в оранжевом одеянии, который раздавал пригласительные листовки.

"Приходите к нам в храм! У нас бесплатная вегетарианская еда!" – говорил он. Из его носа текла сопля, но никак не испортив его имидж, она соблазнялась законом тяготения.

Через некоторое время – после того я занималась всякой чушью, оупляющей все прорастающее в уме, – готовилась к экзаменам, учила чешский – я все-таки пришла в воскресенье на их программу. Полотна с Кришной. Движения в танце. Открытые рты. С легкой, пушистой удивленностью, я думала – "Чем они здесь занимаются? Почему так восхваляют кого-то?" Я не отпускала из рук куртку, которую пришлось снять, ведь это был дом. Дом загримированный под храм. В верхней одежде там не ходили. Я положила куртку в угол и сама нашла себе что-то вроде угла, точнее немного простора, но все-таки воспринимала я его как угол. После долго наблюдения за прыжками без скакалки, за возвышенным спортом, с претензией на абстрактность, я скользила в собствен-

ных вопросах. Начался прием "ПРАСАД". Мы начали есть.

"Что все это значит?" Для меня было удивительно, что они верят в то, что существует Бог Кришна, который как-то выглядит, то есть имеет очертания, что он явный. Находится над океаном – нашим миром. Имеет 4 руки, сине-фиолетового цвета. Они стремятся к Абсолюту под чем предполагается нечто неявное, что нельзя задать под что-то, неуловимое, захватить его – ровно тому, чтобы махать в воздухе рукой и думать, что каждый раз вы словили воздух. Если вы можете определить Бога каким-то образом или фигурой и верить, что он как-то выглядит, считайте, что вы сели на него задницей мифологических определений. Это очень безответственное подавление его пониманием через фигуративность. Они верят в Абсолютную правду, причем единственную, которая при всей возвышенности претендует на дурацкое ограничение. Причем это не просто контур. Я бы тоже хотела верить. Как они. Со всей глубиной верить, что есть какая-то жирная точка, причем одна, или плоскость, которой можно достигнуть. Верить в нечто, что меня поприветствует. Как это дружелюбно звучит. Хотя нет, мой въедшийся, насквозь пронзивший меня, скептицизм в полицейских манерах кричит о запрете. И, все-таки, как может слагаться между собой то содержание (приблизительное понимание того, что есть нечто, к чему можно стремиться, что это нечто высшего порядка), в которое они верят и так же верят в форму (фигуру, которая обозначает это нечто высшего по-

рядка), но держат слишком близко друг к другу, так что даже не могут их вовсе разделить и в брыканиях защищают форму – вспомогательный, посредственный элемент! Они защищали четырехрукого Кришну, верили, что он, фиолетового цвета, существует!

Без всякого свирепства, скорее с некоторой детской алчностью, я хочу вмешаться в эту веру и не растрепав ее, только прояснить цену этой значимости, которая заставляет звать в спокойствии и как бы скрывает в своих объятиях трепет сомнения, которые воспринимаются как нечто чужеродное и постыдное.

Я, влекомая слегка подмигивающей несостоятельностью взглядов кришнаитов, стала проскальзывать сквозь обряды и правила, пережевывая с пристрастием свой новый опыт, чтобы затем его выровнять и пролистать этот серьезный журнал.

Воспевание в плясках, как отряхивание с рукава куртки насекомого, уборка в храме, которая так же есть прославление Кришны, работа в саду и тренировка маркетинговых навыков, при продаже своих книжек о Кришне – как все это, отличающееся, в конечном счете, опасением за собственное неблагополучие, несчастный случай, за смерть, которая непредсказуема, которая оборвет их натянутое до упругости, счастье, иногда брынькающее мимо аккордов.

У каждого есть собственное представление о Боге. "Собственное Представление или Воображение о Боге". Вам не кажется, что значение слов "Собственное Представление",

"Воображение" и "Бог" отличаются между собой только в степени концентрации и насыщенности. Если Бог есть некоторое продливание до переливающегося через края от насыщенности обозначение – это представление, куда ведет вся организованность понимания, основанного на личном опыте и знаниях. На объедках повседневности, на презрении к ним, на их неуклюжем отрицании, фильтрации – вырастает Бог, как нечто отличающееся от привычного. Бог как Собственное Представление, Воображение о том, что нам кажется, мы не имеем представление. Это открытость, не настороженность, не бдительность, рассеянность взгляда. Как можно приписывать Богу в заслугу какие-то происшествия? Бог есть недостаточность рефлексии, есть краткое описание противоположности отождествления себя только с явными мыслями, с тем, что воняет привычностью.

Кроме того, день кришнаиты проводили так: Медитация с джапой, которая длилась два часа, что было возможно вытерпеть при соревновательном отношении друг к другу, когда в голове стучит стыд за леность и недостаточную самодисциплину, которая может быть замечена другими. Hare krisna hare krisna krisna krisna hare hare hare ram hare ram ram rama hare hare – О, повторение, стелющее грозные скатерти над прорастающими бутонами непонимания, веселящих твердые концепты в голове и само сознание, толстые пенопласты духовности, стишки с прелестными консонантами, мысль начинает рыть себе яму. Затем кришнаиты пели раз-

ного рода восхваления Кришне, с урчанием в груди, от бессознательного понимания, что это потрепанная упрощением, деятельность стирает все живое интеллекта. Потом прасад – это принятие пищи руками, причем эта еда никак не подчеркивала аскетический стиль жизни, скорее что-то божественное скрывалось в ее вкусе. Им даже подавали сладости. Затем уборка храма или работа в саду, которая, кстати, так же приравнивалась службе Кришне.

"Почему такой упрощенный стиль жизни, не требующий усилий, стремления к превосходству, но наоборот поощряющий повторение и не требующий преодоления, испытаний, почему такой стиль, вы считаете, может привести Абсолютному? Если используемые средства для достижения цели не предполагают ничего, чтобы содержало приближение к Абсолюту.

Это приближение к чему-то распростертому, что нельзя предположить, названное Абсолютом. Названное. Это тусклость интеллекта, ссора с мыслями как рыцарями жизни, игнорирование интерпретаций, но только наклеивание правил из Бхагавадгиты на ум, при том, что наклейки начинают отклеиваться, но это не страшно ведь их так много, что скомканные и сдутые мыслями о чем-то другом, они все равно составляют стену мусора, держащую их поблизости на поводке липкого захвата повторения. Наш мир есть Майя – говорили монахи – энергии Кришны, одна из гун материальной природы, которая есть нечто, к чему не должно быть отношения,

все прелести мира должны быть обезличены. Я шла за ними.

Однажды мы ехали в американском фургоне в центр города, чтобы с группой монахов начать прославлять имя Кришны в восклицаниях, которые из-за легкой стесненности голоса монахов нуждались в микрофоне.

Мы пели имя Кришны, проносились мимо коровьих глаз прохожих и линии телефонных вспышек мелькали, творя пьяный пунктир в пространстве, которое казалось космически непреодолимым. С чувством превозношения нектара сухой жизни мы обливали всех спешащих прохожих. Я чувствовала себя мессией, образ явления с небес обтекал мою походку и лицо. Я ходила вместе с ними, желая испытать чувство вторжения под видом чужих, чтобы ловить на себе взгляды ошеломленности. Когда мы возвращались на том же фургоне фольксваген, который мягко говорил о своей простоте конструктивности.

Младенческий лепет стекол и дверей, колес и руля, которые мягко говорили во всей организованной классической простоте, вытягивая меня из болота отрицания эстетики. Каждый мой взгляд, брошенный мелкой галькой создавал отек представлений, их запор от накопления замеченных картинок действительности, которые я старалась обезличить, ведь роскошь их редактирования и изменения была непозволительна. Хотя крик их и был воспринят за шепот, я была оглушена сдерживанием метаний. Молчание с надутыми от напряжения щеками. Сдерживала дыхание. Я искала

тишину.

В молчаливости, которую провозглашал Экхарт Толле – эта такая же мысль о безмыслии – оголяла возможность контроля и фильтрации опыта, который тек в одну сторону ветра мысли о безмыслии. Каждое желание, приходившее ко мне я пинала под зад, но иногда щипала его за шею, уводила за ручку прочь. Так что мое сознание было заполнено дезинсекцией, разного рода отношениями, хотя объектов отношений было несколько, они всегда были сразу под затмением изгнания, скромно приходя, сразу же шли прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.